

НИКОЛАЙ
БЕРДЯЕВ

Николай Бердяев

**Духовные основы
русской революции**

*«Всякий народ призван нести
последствия своей истории
и духовно ответствен за свою
историю. История же наша была
исключительно тяжелая
и трудная».*

*«Революция есть лишь момент
в жизни народа... переходящее
состояние, через которое
он может перейти к высшей,
свободной жизни, но всегда
болезненное и тяжелое,
вызванное накоплением
старого зла».*

Николай Александрович Бердяев

Истоки и смысл русского коммунизма

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177087

*Николай Бердяев Духовные основы русской революции: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2006
ISBN 5-17-039061-0, 5-9713-3499-9, 5-9762-1287-5*

Аннотация

Николай Бердяев – один из виднейших представителей русской религиозной философии XX столетия, но прежде всего – первый в нашей стране представитель школы религиозного экзистенциализма, неизменно противопоставляющий свободу духа прокрустову ложу объективной необходимости...

Содержание

Введение	4
I	4
II	7
Глава I. Образование русской интеллигенции и ее характер.	11
Славянофильство и западничество	
1	11
2	16
3	20
Глава II. Русский социализм и нигилизм	22
1	22
2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Бердяев

Истоки и смысл русского коммунизма

Введение

Русская религиозная идея и русское государство

I

Русский коммунизм трудно понять вследствие двойного его характера. С одной стороны он есть явление мировое и интернациональное, с другой стороны – явление русское и национальное. Особенно важно для западных людей понять национальные корни русского коммунизма, его детерминированность русской историей. Знание марксизма этому не поможет.

Русский народ по своей душевной структуре народ восточный. Россия – христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада и в своем верхнем культурном слое ассимилировал все западные идеи. Историческая судьба русского народа была несчастной и страдальческой, и развивался он катастрофическим темпом, через прерывность и изменение типа цивилизации. В русской истории, вопреки мнению славянофилов, нельзя найти органического единства. Слишком огромными пространствами приходилось овладевать русскому народу, слишком велики были опасности с Востока, от татарских нашествий, от которых он охранял и Запад, велики были опасности и со стороны самого Запада. В истории мы видим пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, новую советскую Россию. Неверно было бы сказать, что Россия страна молодой культуры, недавно еще полуварварская. В известном смысле Россия страна старой культуры. В киевской России зарождалась культура более высокая, чем в то время на Западе: уже в XIV веке в России была классически-совершенная иконопись и замечательное зодчество. Московская Россия имела очень высокую пластическую культуру с органически целостным стилем, очень выработанные формы быта. Это была восточная культура, культура христианизированного татарского царства. Московская культура вырабатывалась в постоянном противлении латинскому Западу и иноземным обычаям. Но в Московском царстве очень слаба и не выражена была культура мысли. Московское царство было почти безмысленным и бессловесным, но в нем было достигнуто значительное оформление стихии, был выраженный пластический стиль, которого лишена была Россия петровская, Россия пробудившейся мысли и слова. Россия мыслящая, создавшая великую литературу, искавшая социальной правды, была разорванной и бесстильной, не имела органического единства.

Противоречивость русской души определялась сложностью русской исторической судьбы, столкновением и противоборством в ней восточного и западного элемента. Душа русского народа была сформирована православной церковью, она получила чисто религиозную формацию. И эта религиозная формация сохранилась и до нашего времени, до русских нигилистов и коммунистов. Но в душе русского народа остался сильный природный элемент, связанный с необъятностью русской земли, с безграничностью русской равнины.¹ У русских «природа», стихийная сила, сильнее чем у западных людей, особенно людей самой

¹ См. интересную книгу Fedor Stepun – «Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution».

оформленной латинской культуры. Элемент природно-языческий вошел и в русское христианство. В типе русского человека всегда сталкиваются два элемента – первобытное, природное язычество, стихийность бесконечной русской земли и православный, из Византии полученный, аскетизм, устремленность к потустороннему миру. Для русского народа одинаково характерен и природный дионисизм и христианский аскетизм. Бесконечно трудная задача стояла перед русским человеком – задача оформления и организации своей необъятной земли. Необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души. Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широта. На Западе тесно, все ограничено, все оформлено и распределено по категориям, все благоприятствует образованию и развитию цивилизации – и строение земли и строение души. Можно было бы сказать, что русский народ пал жертвой необъятности своей земли, своей природной стихийности. Ему нелегко давалось оформление, дар формы у русских людей не велик. Русские историки объясняют деспотический характер русского государства этой необходимостью оформления огромной, необъятной русской равнины. Замечательнейший из русских историков Ключевский, сказал: «Государство пухло, народ хирел». В известном смысле это продолжает быть верным и для советского коммунистического государства, где интересы народа приносятся в жертву мощи и организованности советского государства.

Религиозная формация русской души выработала некоторые устойчивые свойства: догматизм, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя своей веры, какова бы она ни была, устремленность к трансцендентному, которое относится то к вечности, к иному миру, то к будущему, к этому миру. Религиозная энергия русской души обладает способностью переключаться и направляться к целям, которые не являются уже религиозными, напр., к социальным целям. В силу религиозно-догматического склада своей души русские всегда ортодоксы или еретики, раскольники, они апокалиптики или нигилисты. Русские ортодоксы и апокалиптики и тогда, когда они в XVII веке были раскольниками-старообрядцами, и тогда, когда в XIX веке они стали революционерами, нигилистами, коммунистами. Структура души остается та же, русские интеллигенты революционеры унаследовали ее от раскольников XVII века. И всегда главным остается исповедание какой-либо ортодоксальной веры, всегда этим определяется принадлежность к русскому народу.

После падения Византийской империи, Второго Рима, самого большого в мире православного царства, в русском народе пробудилось сознание, что русское, московское царство остается единственным православным царством в мире и что русский народ – единственный носитель православной веры. Инок Филофей был выразителем учения о Москве как Третьем Риме. Он писал царю Ивану III: «Третьего нового Рима – державного твоего царствования – святая соборная апостольская церковь – во всей поднебесной паче солнца светится. И да ведает твоя держава, благочестивый царь, что все царства православной христианской веры сошлись в твое царство: один ты во всей поднебесной христианский царь. Блюди же, внемли, благочестивый царь, что все христианские царства сошлись в твое единое, что два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть; твое христианское царство уже иным не достанется». Доктрина о Москве как Третьем Риме стала идеологическим базисом образования московского царства. Царство собиралось и оформлялось под символикой мессианской идеи. Искание царства, истинного царства, характерно для русского народа на протяжении всей его истории. Принадлежность к русскому царству определилась исповеданием истинной, православной веры. Совершенно также и принадлежность к советской России, к русскому коммунистическому царству будет определяться исповеданием ортодоксально-коммунистической веры. Под символикой мессианской идеи Москвы – Третьего Рима произошла острая национализация церкви. Религиозное и национальное в московском царстве так же между собой срослось, как в сознании древне-еврейского народа. И так же,

как юдаизму свойственно было мессианское сознание, оно свойственно было русскому православию.

Но религиозная идея царства вылилась в форму образования могущественного государства, в котором церковь стала играть служебную роль. Московское православное царство было тоталитарным государством. Иоанн Грозный, который был замечательным теоретиком самодержавной монархии, учил, что царь должен не только управлять государством, но и спасать души. Интересно отметить, что в московский период в русской церкви было наименьшее количество святых. Лучший период в истории русской церкви был период татарского ига, тогда она была наиболее духовно независима и в ней был сильный социальный элемент.² Вселенское сознание было ослаблено в русской церкви настолько, что на греческую церковь, от которой русский народ получил свое православие, перестали смотреть как на истинно православную церковь, в ней начали видеть повреждение истинной веры. Греческие влияния воспринимались народным религиозным сознанием как порча, проникающая в единственное в мире православное царство. Православная вера есть русская вера, не русская вера – не православная вера.

Когда при патриархе Никоне начались исправления ошибок в богослужебных книгах по греческим образцам и незначительные изменения в обряде, то это вызвало бурный протест народной религиозности. В XVII веке произошло одно из самых важных событий русской истории – религиозный раскол старообрядчества. Ошибочно думать, что религиозный раскол был вызван исключительно обрядоверием русского народа, что в нем борьба шла исключительно по поводу двуперстного и трехперстного знамения креста и мелочей богослужебного обряда. В расколе была и более глубокая историософическая тема. Вопрос шел о том, есть ли русское царство истинно православное царство, т. е. исполняет ли русский народ свое мессианское призвание. Конечно, большую роль тут играла тьма, невежество и суеверие, низкий культурный уровень духовенства и т. п. Но не этим только объясняется такое крупное по своим последствиям событие, как раскол. В народе проснулось подозрение, что православное царство, Третий Рим, повредилось, произошла измена истинной веры. Государственной властью и высшей церковной иерархией овладел антихрист. Народное православие разрывает с церковной иерархией и с государственной властью. Истинное православное царство уходит под землю. С этим связана легенда о Граде Китеже, скрытом под озером. Народ ищет Град Китеж. Возникает острое апокалиптическое сознание в левом крыле раскола, в так называемом беспоповстве. Раскол делается характерным для русской жизни явлением. Так и русская революционная интеллигенция XIX века будет раскольничьей и будет думать, что властью владеет злая сила. И в русском народе и в русской интеллигенции будет искание царства, основанного на правде. В видимом царстве царит неправда. В Московском царстве, сознавшим себя Третьим Римом, было смешение царства Христова, царства правды, с идеей могущественного государства, управляющего неправдой. Раскол был обнаружением противоречия, был последствием смешения. Но народное сознание было темным, часто суеверным, в нем христианство было перемешано с язычеством. Раскол нанес первый удар идее Москвы как Третьего Рима. Он означал неблагополучие русского мессианского сознания. Второй удар был нанесен реформой Петра Великого.

² См. Г. Федотов. Святые Древней Руси. Париж, 1931.

II

Реформа Петра была фактом настолько определяющим всю дальнейшую историю России, что по оценке ее разделились наши направления XIX века. Сейчас одинаково нужно считать неверной и устаревшей и славянофильскую и западническую точку зрения на дело Петра. Славянофилы видели в деле Петра измену исконным национальным русским основам, насилие и прорыв органического развития. Западники никакого своеобразия в русской истории не видели, считали Россию лишь страной отсталой в просвещении и цивилизации, западно же европейский тип цивилизации был для них единственным и универсальным. Петр раскрыл для России пути западного просвещения и цивилизации.

Славянофилы неправы были потому, что реформа Петра была совершенно неизбежной: Россия не могла дальше существовать замкнутым царством при отсталости военной, морской, экономической, при отсутствии просвещения и техники цивилизации. При этом русский народ не только не мог выполнить своей великой миссии, но самое его независимое существование подвергалось опасности. Славянофилы неправы были еще потому, что именно в петровский период истории был расцвет русской культуры, было явление Пушкина и великой русской литературы, пробудилась мысль и стали возможны сами славянофилы. Россия должна была преодолеть свою изоляцию и приобщиться к круговороту мировой жизни. Только на этих путях возможно было мировое служение русского народа.

Западники были неправы потому, что они отрицали своеобразие русского народа и русской истории, держались упрощенных взглядов на прогресс просвещения и цивилизации, не видели никакой миссии России, кроме необходимости догнать Запад. Они не видели того, что все же видели славянофилы, – насилия над народной душой, произведенного Петром. Реформа Петра была неизбежна, но он совершил ее путем страшного насилия над народной душой и народными верованиями. И народ ответил на это насилие созданием легенды о Петре как антихристе.

Приемы Петра были совершенно большевистские. Он хотел уничтожить старую московскую Россию, вырвать с корнем те чувства, которые лежали в основе ее жизни. И для этой цели он не остановился перед казнью собственного сына, приверженца старины. Приемы Петра относительно церкви и старой религиозности очень напоминают приемы большевизма. Он не любил старого московского благочестия и был особенно жесток в отношении к старообрядчеству и староверию. Петр высмеивал религиозные чувства старины, устраивал всешутейший собор с шутовским патриархом. Это очень напоминает антирелигиозные манифестации безбожников в Советской России. Петр создал синодальный строй, в значительной степени скопированный с немецкого протестантского образца, и окончательно подчинил церковь государству. Впрочем, нужно сказать, что не Петр был виновником унижения русской церкви в петровский период русской истории. Уже в московский период церковь была в рабской зависимости от государства. Авторитет иерархии в народе пал раньше Петра. Религиозный раскол нанес страшный удар этому авторитету. Уровень просвещения и культуры церковной иерархии был очень низкий. Поэтому и церковная реформа Петра была вызвана необходимостью. Но она была произведена насильнически, не щадя религиозного чувства народа. Можно было бы сделать сравнение между Петром и Лениным, между переворотом петровским и переворотом большевистским. Та же грубость, насилие, навязанность сверху народу известных принципов, та же прерывность органического развития, отрицание традиций, тот же этатизм, гипертрофия государства, то же создание привилегированного бюрократического слоя, тот же централизм, то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации.

Но большевистская революция путем страшных насилий освободила народные силы, призвала их к исторической активности, в этом ее значение. Переворот же Петра, усилив русское государство, толкнув Россию на путь западного и мирового просвещения, усилил раскол между народом и верхним культурным и правящим слоем. Петр секуляризировал православное царство, направил Россию на путь просветительства. Этот процесс происходил в верхних слоях русского общества, в дворянстве и чиновничестве, в то время как народ продолжал жить старыми религиозными верованиями и чувствами. Самодержавная власть царя, фактически принявшая форму западного просвещенного абсолютизма, в народе имела старую религиозную санкцию, как власть теократическая. Ослабление духовного влияния официальной церкви было неизбежным результатом реформы Петра и вторжения западного просвещения. Рационализм проник в самую церковную иерархию. Знаменитый митрополит эпохи Петра Феофан Прокопович был в сущности протестантом рационалистического типа. Но в Петровскую эпоху это имело свою компенсацию в ряде святых, которых не знала московская эпоха, в старчестве, в подземной духовной жизни.

Западное просвещение XVIII века в верхних слоях русского общества было чуждо русскому народу. Русское барство XVIII века поверхностно увлекалось вольтеризмом в одной части, мистическим масонством в другой. Народ же продолжал жить старыми религиозными верованиями и смотрел на барина, как на чуждую расу. Просветительница и вольтерянка Екатерина Вторая, переписывавшаяся с Вольтером и Дидро, окончательно создала те формы крепостного права, которые вызвали протест заболевшей совести русской интеллигенции XIX века. Влияние Запада первоначально ударило по народу и укрепило привилегированное барство. Такие люди, как Радищев, были исключением. Лишь в XIX веке влияния Запада на образовавшуюся русскую интеллигенцию породили народолюбие и освободительные стремления. Но и тогда образованные и культурные слои оказались чужды народу. Нигде, кажется, не было такой пропасти между верхним и нижним слоем, как в петровской, императорской России. И ни одна страна не жила одновременно в столь разных столетиях, от XIV до XIX века и даже до века грядущего, до XXI века. Россия XVIII и XIX столетий жила совсем не органической жизнью. В душе русского народа происходила борьба Востока и Запада, и борьба эта продолжается в русской революции. Русский коммунизм есть коммунизм восточный. Влияние Запада в течение двух столетий не овладело русским народом. Мы увидим, что русская интеллигенция совсем не была западной по своему типу, сколько бы она ни клялась западными теориями. Созданная Петром империя внешне разрасталась, делалась величайшей в мире, в ней было внешнее принудительное единство, но внутреннего единства не было, была внутренняя разорванность. Разорваны были власть и народ, народ и интеллигенция, разорваны были народности, объединенные в Российскую империю. Империя с ее западного типа государственным абсолютизмом менее всего осуществляла идею Третьего Рима. Самый титул императора, заменивший титул царя, по славянофильскому сознанию был уже изменой русской идее. Деспотический Николай I был типом прусского офицера. При дворе и в высших слоях бюрократии немецкие влияния были очень сильны. Основное столкновение было между идеей империи, могущественного государства военно-полицейского типа, и религиозно-мессианской идеей царства, которое уходило в подземный слой, слой народный, а потом в трансформированном виде в слой интеллигенции. Столкновение между сознанием империи, носителем которого была власть, и сознанием интеллигенции будет основным для XIX века. Власть все более и более будет отчуждаться от интеллигентных, культурных слоев общества, в которых будут нарастать революционные настроения. Дворянство, которое было передовым и наиболее культурным слоем в начале и еще в середине XIX века, во вторую половину века будет понижаться в культурном уровне, делаться реакционным и должно будет уступить место разнородной интеллигенции, которая принесет с собой совсем иной, новый тип культуры. Отсутствие единства и цельности куль-

туры выразится в том, что умственные и духовные направления XIX века будут разделяться на десятилетия и каждое десятилетие принесет с собой новые идеи и стремления, новый душевный уклад. И все же русский XIX век создаст одну из величайших в мире литератур и напряженную, своеобразную, очень свободную мысль.

Большая часть русского народа – крестьянство – жило в тисках крепостного права. Внутренне народ жил православной верой, и она давала ему возможность переносить страдания жизни. Народ всегда считал крепостное право неправдой и несправедливостью, но виновником этой несправедливости он считал не царя, а господствующие классы, дворянство. Религиозная санкция царской власти в народе была так сильна, что народ жил надеждой, что царь защитит его и прекратит несправедливость, когда узнает всю правду. По своим понятиям о собственности русские крестьяне всегда считали неправдой, что дворяне владеют огромными землями. Западные понятия о собственности были чужды русскому народу, эти понятия были слабы даже у дворян. Земля Божья, и все трудящиеся, обрабатывающие землю, могут ею пользоваться. Наивный аграрный социализм всегда был присущ русским крестьянам. Для культурных классов, для интеллигенции народ оставался как бы тайной, которую нужно разгадать. Верили, что в молчаливом, в бессловесном еще народе скрыта великая правда о жизни и наступит день, когда народ скажет свое слово. Интеллигенция, оторванная от народа, жила под обаянием теллургической мистики народа, того, что народнические писатели 70-х годов называли «властью земли».

К XIX веку Россия оформилась в огромное, необъятное мужицкое царство, закрепощенное, безграмотное, но обладающее своей народной культурой, основанной на вере, с господствующим дворянским классом, ленивым и малокультурным, нередко утерывшим религиозную веру и национальный образ, с царем наверху, в отношении к которому сохранилась религиозная вера, с сильной бюрократией и очень тонким и хрупким культурным слоем. Классы всегда в России были слабы, подчинены государству, они даже образовывались государственной властью. Сильными элементами были только монархия, принявшая форму западного абсолютизма, и народ. Культурный слой чувствовал себя раздавленным этими двумя силами. Интеллигенция XIX века стояла над бездной, которая всегда могла разверзнуться и ее поглотить. Лучшая, наиболее культурная часть русского дворянства чувствовала ненормальность и неоправданность своего положения, свою вину перед народом. К XIX веку империя была очень нездоровой и в духовном, и в социальном отношении. Для русских характерно совмещение и сочетание антиномических, полярно противоположных начал. Россию и русский народ можно характеризовать лишь противоречиями. Русский народ с одинаковым основанием можно характеризовать как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, как народ, склонный к национализму и национальному самомнению, и народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности, жестокий и необычайно человечный, склонный причинять страдания и до болезненности сострадательный. Эта противоречивость создана всей русской историей и вечным конфликтом инстинкта государственного могущества с инстинктом свободолюбия и правдолюбия народа. Вопреки мнению славянофилов, русский народ был народом государственным – это остается верным и для советского государства – и вместе с тем это народ, из которого постоянно выходила вольница, вольное казачество, бунты Стеньки Разина и Пугачева, революционная интеллигенция, анархическая идеология, народ, искавший нездешнего царства правды. В созданном через страшные жертвы огромном государстве-империи этой правды не было. Это чувствовал и народный слой, и лучшая часть культурного дворянства, и вновь образовавшаяся русская интеллигенция. Русское царство XIX века было противоречивым и нездоровым, в нем был гнет и несправедливость, но психологически и морально это не было буржуазное царство, и оно противопоставляло себя буржуазным царствам Запада. В этом своеобразном царстве политический деспотизм соединялся с большой свободой и широ-

той жизни, свободой быта, нравов, с отсутствием перегородок и давящего нормативизма, законничества. Это определялось основной устремленностью русской природы к бесконечности и безграничности. Ограниченность, раздельность, малость не свойственны были русскому царству, русской природе и русскому характеру. Мы увидим, что Россия не пережила ренессанса и гуманизма в европейском смысле слова. Но на вершинах своей мысли и творчества она пережила кризис гуманизма острее, чем на Западе. Русский гуманизм был христианским, он был основан на человеколюбии, милосердии, жалости, даже у тех, которые в сознании отступали от христианства. Весь петровский, императорский период существовал конфликт между Святой Русью и империей. Славянофильство было идеологическим выражением этого конфликта. В XIX веке конфликт принял новые формы – столкнулась Русь, ищущая социальной правды, царства правды, с империей, искавшей силы.

Глава I. Образование русской интеллигенции и ее характер. Славянофильство и западничество

1

Чтобы понять источники русского коммунизма и уяснить себе характер русской революции, нужно знать, что представляет собой то своеобразное явление, которое в России именуется «интеллигенция». Западные люди впали бы в ошибку, если бы они отождествили русскую интеллигенцию с тем, что на Западе называют *intellectuels*. *Intellectuels* – это люди интеллектуального труда и творчества, прежде всего ученые, писатели, художники, профессора, педагоги и пр. Совершенно другое образование представляет собой русская интеллигенция, к которой могли принадлежать люди, не занимающиеся интеллектуальным трудом и вообще не особенно интеллектуальные. И многие русские ученые и писатели совсем не могли быть причислены к интеллигенции в точном смысле слова. Интеллигенция скорее напоминала монашеский орден или религиозную секту со своей особой моралью, очень нетерпимой, со своим обязательным мирозерцанием, со своими особыми нравами и обычаями и даже со своеобразным физическим обликом, по которому всегда можно было узнать интеллигента и отличать его от других социальных групп. Интеллигенция была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой, образовавшейся из разных социальных классов, сначала по преимуществу из более культурной части дворянства, позже из сыновей священников и диаконов, из мелких чиновников, из мещан и, после освобождения, из крестьян. Это и есть разночинная интеллигенция, объединенная исключительно идеями, и притом идеями социального характера. Во вторую половину XIX века слой, который именуется просто культурным, переходит в новый тип, получающий наименование интеллигенции. Этот тип имеет свои характерные черты, свойственные всем его настоящим представителям. В интеллигенции были типические русские черты, и совершенно ошибочно то мнение, которое видело в интеллигенции денационализацию и потерю всякой связи с русской почвой. Достоевский отлично понимал русский характер интеллигента-революционера и назвал его «великим скитальцем русской земли», хотя он и не любил революционных идей.

Для интеллигенции характерна беспочвенность, разрыв со всяким сословным бытом и традициями, но эта беспочвенность была характерно русской. Интеллигенция всегда была увлечена какими-либо идеями, преимущественно социальными, и отдавалась им беззаветно. Она обладала способностью жить исключительно идеями. По условиям русского политического строя интеллигенция оказалась оторванной от реального социального дела, и это очень способствовало развитию в ней социальной мечтательности. В России самодержавной и крепостнической вырабатывались самые радикальные социалистические и анархические идеи. Невозможность политической деятельности привела к тому, что политика была перенесена в мысль и в литературу. Литературные критики были властителями дум социальных и политических. Интеллигенция приняла раскольничий характер, что так свойственно русским. Она жила в расколе с окружающей действительностью, которую считала злой, и в ней выработалась фанатическая раскольничья мораль. Крайняя идейная нетерпимость русской интеллигенции была самозащитой; только таким путем она могла сохраниться во враждебном мире, только благодаря своему идейному фанатизму она могла выдержать преследования и удержать свои черты. Для русской интеллигенции, в которой преобладали социальные мотивы и революционные настроения, которая породила тип человека, единственной специальностью которого была революция, характерен был крайний догматизм, к

которому искони склонны были русские. Русские обладают исключительной способностью к усвоению западных идей и учений и к их своеобразной переработке. Но усвоение западных идей и учений русской интеллигенцией было в большинстве случаев догматическим. То, что на Западе было научной теорией, подлежащей критике, гипотезой или во всяком случае истиной относительной, частичной, не претендующей на всеобщность, у русских интеллигентов превращалось в догматику, во что-то вроде религиозного откровения. Русские все склонны воспринимать тоталитарно, им чужд скептический критицизм западных людей. Это есть недостаток, приводящий к смещениям и подменам, но это также достоинство и указывает на религиозную целостность русской души. У русской радикальной интеллигенции выработалось идолопоклонническое отношение к самой науке. Когда русский интеллигент делался дарвинистом, то дарвинизм был для него не биологической теорией, подлежащей спору, а догматом, и ко всякому не принимавшему этого догмата, например к стороннику ламаркизма, возникало морально подозрительное отношение. Самый крупный русский философ XIX века, Вл. Соловьев сказал, что русские нигилисты исповедывали веру, основанную на странном силлогизме: человек произошел от обезьяны, следовательно, мы должны любить друг друга. Тоталитарно и догматически были восприняты и пережиты русской интеллигенцией сен-симонизм, фурьеризм, гегелианство, материализм, марксизм — марксизм в особенности. Русские вообще плохо понимают значение относительного, ступенчатость исторического процесса, дифференциацию разных сфер культуры. С этим связан русский максимализм. Русская душа стремится к целостности, она не мирится с разделением всего по категориям, она стремится к Абсолютному и все хочет подчинить Абсолютному, и это религиозная в ней черта. Но она легко совершает смешение, принимает относительное за абсолютное, частное за универсальное, и тогда она впадает в идолопоклонство. Именно русской душе свойственно переключение религиозной энергии на нерелигиозные предметы, на относительную и частную сферу науки или социальной жизни. Этим очень многое объясняется.

Уже в XVIII веке начал зарождаться тип русской интеллигенции. Первым русским интеллигентом был Радищев, автор «Путешествия из Петербурга в Москву». Слова Радищева «душа моя страданиями человеческими уязвлена была» конструировали тип русской интеллигенции. Радищев был воспитан на французской философии XVIII века, на Вольтере, Дидро, Руссо. Но он не был антирелигиозного направления, как многие «вольтерианцы» того времени. Французские идеи преломились в русской душе прежде всего как сострадание и человеколюбие. Радищев не мог вынести крепостного права, унижений и страданий народа. Во время появления книги Радищева Екатерина II была уже охвачена реакционными настроениями. Радищев был арестован, приговорен за свою книгу к смертной казни с заменой каторжной тюрьмой. Также был арестован и заключен в Петропавловскую крепость видный деятель русского просвещения XVIII века Новиков, мистик-масон, христианин и человек очень умеренных политических взглядов. Так встречено было образование русской интеллигенции русской властью. Первые шаги русской интеллигенции на путях просвещения сознания, а не революции, сопровождались жертвами и страданиями, тюрьмой и каторгой. Радищев имел для своего времени довольно смелые и радикальные взгляды и был одним из предшественников революционной интеллигенции и русского социализма. Но в XVIII веке русская мысль не была еще оригинальной. Только XIX век будет веком оригинальной мысли, веком самосознания. Но он же будет веком внутренней революции. Само сознание было у нас восстанием против окружающей действительности, против императорской России. Просвещение разрушило старую веру в православное царство и искание царства приняло иное направление, по иному была осознана русская миссия.

Необычайно было одиночество русских культурных и свободолюбивых людей первой половины XIX века.³ Были культурные люди, но не было культурной среды. Люди того времени жалуются, что они окружены тьмой, что их никто не понимает и никто им не сочувствует. Масса русского дворянства и чиновничества была очень некультурна, невежественна, лишена всяких высших интересов. Это и была та «чернь», о которой говорил Пушкин. Образ Чацкого в «Горе от ума» изображает это одиночество лучших, наиболее умных и культурных людей того времени. В начале XIX века, в эпоху Александра I, Россия пережила культурный ренессанс. То был золотой век русской поэзии, эпоха мистических течений и движения декабристов. Сам Александр I был царь-интеллигент, всю жизнь искавший правды, в молодости враг самодержавия и крепостного права, но человек раздвоенный и не сильный.

Ренессанс той эпохи происходил в очень маленьком и тонком слое дворянства. Культурные и ищущие правды люди должны были жить небольшими группами и содружествами. Масонство, мистически окрашенное, было очень распространено в Александровскую эпоху и играло большую воспитательную роль. Масонство было первой формой самоорганизации общества. В эту форму выливалась наиболее напряженная духовная жизнь того времени. Начало XIX века было эпохой разрыхления русской души. Она стала восприимчивой ко всякого рода идеям, к духовным и социальным движениям. Это была эпоха универсализма, эпоха интерконфессиональных христианских объединений. И тогда начала образовываться русская всечеловечность, характерная для XIX века. Через наполеоновские войны Россия пришла в непосредственное взаимодействие с Западом. Русское офицерство побывало в Европе и возвратилось с расширенным кругозором. Сам Александр I был русским «всечеловеком». Он видался с Овеном и говорил с ним о новом социальном устройении, он молился вместе с квакерами. Но это не помешало тому, что конец его царствования ознаменовался мрачной реакцией. Русская душа готовилась к XIX веку, но не было целостности и единства в русской жизни. Была пропасть между верхним культурным слоем русского дворянства, который тогда служил в гвардии, и средней массой дворянства. В этом верхнем слое были духовные и литературные движения, в нем подготовлялось движение декабристов, направленное к освобождению от самодержавия и крепостного права. Но все происходило в таком маленьком и социально уединенном слое, что не могло существенно изменить русской жизни. Восстание декабристов, которое свидетельствует о бескорыстии лучшей части русского дворянства, было обречено на неуспех и было жестоко раздавлено. Главные деятели декабристского движения были казнены или сосланы в Сибирь Николаем I. Большая часть декабристов держалась умеренных и даже монархических взглядов. Но Пестель, представлявший крайнее левое крыло декабристов, автор «Русской правды», может быть назван первым русским социалистом, социалистом до социалистов, как выразился Герцен. В нем обнаружилась уже та воля к власти и к насилию, которая в XX веке обнаружилась у коммунистов. Но социализм Пестеля был, конечно, по условиям того времени, аграрным. Пестель был республиканцем, сторонником народовластия и в тоже время централистом. Он не был либералом и склонен был к деспотизму. Но в то же время, когда происходило движение декабристов, огромная масса русского дворянства была темной, ленивой и вела бессмысленную жизнь. Средний русский дворянин сначала служил в гвардии, скоро выходил в отставку и поселялся в деревне, где ничего не делал и проявлял себя всякими самодурными выходками и мелочным деспотизмом. Это было величайшей неудачей Петровской эпохи. Эта эпоха создала тип «лишних людей», создала или Рудиных, или Обломовых. И лучшими были те «лишние люди», которые мучительно сознавали свою лишность, как некоторые герои Тургенева. Только в одном Пушкине, единственном ренессансном русском человеке, блеснула возможность иного отношения к жизни. Пушкин как бы соединил в себе сознание интелли-

³ См. книгу М. Гершензона «Молодая Россия».

генции и сознание империи. Он писал революционные стихи и он же был поэтом русской великодержавности. После подавления восстания декабристов, после воцарения Николая I все пошло путем нарастания раскола и революции. Русская интеллигенция окончательно оформилась в раскольничий тип. Она всегда будет говорить про себя «мы», про государство, про власть – «они». Русский культурный слой оказался над бездной, раздавленным двумя основными силами – самодержавной монархией сверху и темной массой крестьянства снизу.

Русская мысль, беспочвенная и бунтующая, была в XIX веке внутренне свободной и дерзновенной, не связанной тяжелым прошлым с традицией, внешне же стесненной и часто гонимой. Невозможность по политическим условиям непосредственного социального дела привела к тому, что вся активность перешла в литературу и мысль, где все вопросы ставились и решались очень радикально. Выработалась безграничная социальная мечтательность, не связанная с реальной действительностью. Русские были сен-симонистами, фурьеристами, прудонистами, когда в России было еще крепостное право и самодержавная монархия. Они были самыми крайними, тоталитарными гегельянцами и шеллингянцами, когда в России не было еще никакой философской культуры и философская мысль была на подозрении. Русские культурные люди полюбили бесконечные, ведшиеся по целым ночам разговоры и споры о мировых вопросах в небольших кружках, в салонах 30-х и 40-х годов. Первое пробуждение самостоятельной мысли и самосознания XIX века произошло в Чаадаеве, человеке исключительно одаренном, но почти ничего не написавшем. Он был ленив, как и все русские бары. Его необычайно острые и сильные мысли выразились в одном «философическом письме». Это целая философия истории. Историософическая тема – основная в русской мысли XIX века. Самостоятельная русская мысль прежде всего задумалась над тем, в чем задача России и особенность ее пути, Восток ли она или Запад. Первый русский историкосф Чаадаев был офицером лейб-гвардии гусарского полка в отставке, подобно тому, как первый самостоятельный и самый замечательный русский богослов Хомяков был офицером лейб-гвардии конного полка. Философия истории Чаадаева была восстанием против русской истории, против русского прошлого и русского настоящего. Дело Петра пробудило русскую мысль и русское творчество. Герцен сказал, что на реформу Петра русский народ ответил явлением Пушкина. К этому надо прибавить, что он ответил явлением западнической и славянофильской мысли. Вся русская мысль XIX века, занятая общими вопросами мирозерцания, была западнической или славянофильской, т. е. решала проблему о том, должна ли быть Россия Западом или Востоком, нужно ли идти путем Петра или вернуться к допетровской, Московской Руси.

Чаадаев выступил решительным западником, и западничество его было криком патристической боли. Он был типичным русским человеком XIX века верхнего культурного слоя. Его отрицание России, русской истории – типическое русское отрицание. Его западничество было религиозным, в отличие от последующих форм западничества, он очень сочувствовал католичеству, видел в нем активную, организующую и объединяющую силу всемирной истории и в нем видел спасение и для России. Русская история представлялась ему лишеной смысла и связи, не принадлежащей ни к Востоку, ни к Западу – отражение той потери культурного стиля и единства, которая характерна для Петровской эпохи.

Россию Чаадаев считает уроком и предостережением для других народов. Власть увидела в Чаадаеве революционера. Но в действительности он был близок по своим идеям к де-Местру, Бональду и Шеллингу, с которым он переписывался и который был о нем высокого мнения. Культурно рафинированный Чаадаев не мог примириться с тем, что он обречен жить в некультурном обществе, в деспотическом государстве, которое держит в тисках темный народ, не просвещая его. Чаадаев высказал мысль, которую нужно считать основной для русского самосознания, он говорит о потенциальности, непроявленности русского народа. Эта мысль могла казаться осуждением русского народа, поскольку она обращена к прошлому, –

русский народ ничего великого в истории не сотворил, не выполнил никакой высокой миссии. Но она же может превратиться в великую надежду, в веру в будущее русского народа, когда она обращена к будущему, – русский народ призван осуществить великую миссию. Именно на этой потенциальности и отсталости русского народа весь XIX век будет основывать надежду на то, что русский народ призван разрешить вопросы, которые трудно разрешить Западу, вследствие его отягченности прошлым, – например, вопрос социальный. Так было и у Чаадаева. Русское правительство ответило на первое творческое пробуждение русской мысли объявлением Чаадаева сумасшедшим, он был подвергнут медицинскому освидетельствованию. Чаадаев был этим подавлен и умолк. Потом он пишет «Апологию сумасшедшего» и в ней высказывает характерные для русского сознания мысли о русском мессианстве. Одно дело суд над прошлым, другое дело надежда на будущее. Именно в силу своей потенциальности, сохраненности в нем огромных, непочатых сил, русский народ призван сказать свое оригинальное слово миру, исполнить великую миссию. В Чаадаеве заключены были уже многие основоположные русские мысли. В своем расколе с современностью, в своем протесте против неправд русской жизни русские культурные люди пробовали обратиться к католицизму и в нем искать спасения. В этом отношении характерна фигура Печорина, который эмигрирует и делается католическим монахом. Он соединяет католицизм с утопическим социализмом. В этот период пытались христиански обосновать социализм, увлекались Ламенэ, интеллигенция была еще религиозно настроена. Печорин писал в одном своем стихотворении:

Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья.

Типически русские слова, слова отчаяния, за которыми скрыта любовь к России. На Западе, будучи католическим монахом, Печорин тосковал по России и верил, что Россия несет с собой новый цикл мировой истории.

2

Основным западным влиянием, через которое в значительной степени определилась русская мысль и русская культура XIX века, было влияние Шеллинга и Гегеля, которые стали почти русскими мыслителями. Это влияние не означало рабьего подражания, как влияние вольтерианства XVIII века. Германская мысль воспринималась активно и перерабатывалась в русский тип мысли. Это особенно нужно сказать про славянофилов, у которых влияние Шеллинга и Гегеля также оплодотворило богословскую мысль, как некогда влияние Платона и неоплатонизма оплодотворило богословскую мысль восточных учителей церкви. Хомяков создает оригинальное православное богословие, в которое входят переработанные мотивы германского идеализма. Подобно немецким романтикам, русская мысль стремится к *целостности* и делает это более последовательно и радикально, чем романтики, которые сами утратили целостность. Целостность христианского Востока противопоставляется рационалистической раздробленности и расщепленности Запада. Это впервые было формулировано И. Киреевским и стало основным русским мотивом, вкорененным в глубинах русского характера. Русские коммунисты-атеисты утверждают целостность, тоталитарность не менее православных славянофилов. Психологически русская ортодоксальность и есть целостность, тоталитарность. Русские западники, которым чужд был религиозный тип славянофилов, увлеклись гегелианством, которое было для них столь же тоталитарной системой мысли и жизни, охватывающей решительно все. Когда Белинский или Бакунин были гегельянцами, они были именно такими гегельянцами. Русский молодой человек, принадлежавший к поколению идеалистов 30-х и 40-х годов, исповедывал тоталитарное шеллингианство или тоталитарное гегелианство в отношении ко всей жизни, не только жизни мысли и жизни социальной, но и жизни личной, в отношении любви или чувства природы. Белинский, революционер по натуре и темпераменту, положивший основания русскому революционно-социалистическому мирозерцанию, одно время стал консерватором из-за увлечения философией Гегеля. Он считал себя обязанным принять разумом, что все действительное разумно.

Творческая оригинальность религиозной и философской мысли обнаружилась у славянофилов. Они обосновывали миссию России, отличную от миссии народов Запада. Оригинальность славянофилов связана была с тем, что они пытались осмыслить своеобразие восточного, православного типа христианства, легшего в основу русской истории. Хотя славянофилы искали органических основ и путей, но они были также раскольниками, жили в разрыве с окружающей действительностью. Они отрицали императорскую, петровскую Россию, они не чувствовали себя дома в действительности Николая I, и власть относилась к ним подозрительно и враждебно, несмотря на их православие и монархизм. Не было ничего общего между системой официальной народности или официального национализма, выработанной в эпоху Николая I и ставшей идеологией власти, и славянофильским пониманием народности. Система официальной народности была основана на трех принципах – православие, самодержавие и народность, и система славянофильская признавала эти же три принципа. Но дух был противоположный. Совершенно ясно было, что для системы официальной народности примат принадлежал принципу самодержавия, православие же и народность были ему подчинены. Ясно также, что народность была сомнительна и претерпела влияние худших сторон западного государственного абсолютизма. Николай I был типом прусского офицера. Православие же было не духовное, внешне-государственное и превращенное в средство. Совсем иной смысл принципы эти имели у славянофилов. Прежде всего они признавали абсолютный примат религиозного начала и искали православия очищенного, не искаженного и не извращенного историческими влияниями. Также стремились они

к выявлению подлинной народности, народной души. Они видели образ русского народа освобожденным от искажений, которые они приписывали западному рационализму и государственному абсолютизму. К государству у них было совсем иное отношение, чем в системе официальной народности. Славянофилы – антигосударственники, у них есть даже сильный анархический элемент, они считали государство злом и власть считали грехом. Они защищали монархию на том основании, что лучше, чтобы один человек был замаран властью, всегда греховной и грязной, чем весь народ.⁴ Царь не имеет права на власть, как никто не имеет. Но он обязан нести тяготу власти, которую возложил на него народ. Русский народ славянофилы считали не государственным. Русский народ имеет призвание религиозное, духовное и хочет быть свободен от государственного для осуществления этого призвания. Эта теория противоречит, конечно, тому факту, что русский народ создал величайшее в мире государство, и означала разрыв с традициями не только Петра, но и великих князей московских. Но славянофилы выразили тут один из полюсов русского сознания, характерную черту интеллигенции XIX века и всей русской литературы. Славянофилы были основоположниками того народничества, которое столь характерно для русской мысли XIX века и потом приняло религиозные формы. Славянофилы верили в народ, в народную правду, и народ был для них прежде всего мужики, сохранившие православную веру и национальный уклад жизни. Славянофилы были горячими защитниками общины, которую считали органическим и оригинально русским укладом хозяйственной жизни крестьянства, как думали все народники. Они были решительными противниками понятий римского права собственности. Не считали собственность священной и абсолютной, собственника же считали лишь управляющим. Они отрицали западную буржуазную, капиталистическую цивилизацию. И если они думали, что Запад гниет, то потому, что он вступил на путь этой буржуазной цивилизации, что в нем раскололась целостность жизни. Славянофилы уже предвосхитили то различие между культурой и цивилизацией, которое на Западе стало популярно со времен Шпенглера. Несмотря на консервативный элемент своего мирозерцания, славянофилы были горячими защитниками свободы личности, свободы совести, мысли, слова и своеобразными демократами, признавали принцип верховенства народа. Хомяков в своих стихах обличал исторические грехи России, не только петровской, но и допетровской России и был даже более резок, чем западники.

Славянофилы и западники были враги-друзья. Герцен сказал: «Мы подобны двуликому Янусу, у нас одна любовь к России, но не одинаковая». Для одних Россия была, прежде всего, мать, для других – дитя. Славянофилы и западники 30-х и 40-х годов принадлежали к одному кругу, спорили в одних и тех же салонах, которые видели битвы Герцена и Хомякова. Лишь позже они окончательно разошлись. Нетерпимый Белинский не хотел уже встречаться со своим другом К. Аксаковым. Лучшие, наиболее культурные и мыслящие русские люди XIX века не жили в настоящем, которое было для них отвратительно, они жили в будущем или прошлом. Одни, славянофилы, мечтали об идеальной допетровской Руси, другие, западники, мечтали об идеальном Западе. Но и консервативное обращение славянофилов к далекому прошлому было лишь утопией совершенного строя, совершенной жизни, так же, каким было обращение западников к Западу, который они плохо знали. Западники часто бывали просветителями, цивилизаторами и это наименее интересный тип. Более интересен тип западника, подвергший русской переработке западные, по преимуществу французские, социальные учения. Если в России тоталитарно, целостно и максималистически воспринимались гегелианство и шеллингизм, то столь же тоталитарно, целостно и максималистически воспринимались сен-симонизм и фурьеризм. В лагере западников радикального крыла сильны были влияния французского социализма и французской литературы, особенно Жорж

⁴ Особенно силен анархический элемент у К. Аксакова.

Занд. Жорж Занд имела колоссальное влияние на выработку эмоциональной жизни в русском культурном строе, на выработку русского отношения к свободе и искренности чувства, русского протеста против насилия, условности и неискренности в чувствах. План же осуществления социальной правды вырабатывался по Сен-Симону и Фурье. И, конечно, сами французы не знали такого увлечения этими идеями.

В конце 40-х годов у русского помещика Петрашевского собирался на дому кружок, который обсуждал социальные вопросы, план нового и лучшего устройства человечества. Большая часть кружка были фурьеристы или сен-симонисты. Идеи были самые радикальные в смысле переустройства человечества, но характер бесед самый мирный и безобидный.⁵ Никакой революционной деятельностью петрашевцы не занимались, – в те времена революционной деятельности в России не было и не могло быть, – все происходило в сфере мысли. Более всего, конечно, хотели освобождения крестьян. Утопический социализм членов кружка был идиллический. Устанавливают три стадии в развитии в России социалистических идей: стадию социализма утопического, социализма народнического и социализма научного или марксистского. Петрашевский был очень типичен для русского помещика, воспламенившегося утопическими социалистическими идеями. Он сказал: «Не находя ничего достойным своей привязанности – ни из женщин, ни из мужчин – я обрек себя на служение человечеству». Тут выражено очень характерное для русской революционной интеллигенции настроение – любовь к «дальнему», а не любовь к «ближнему». Петрашевский устремлен к дальнему, к счастью человечества. Он верит в счастье человечества. Наивный утопизм Петрашевского выразился в том, что он устроил в своем имении для крестьян фаланстер по Фурье. Но крестьяне подожгли этот фаланстер. Это факт символический. Так крестьяне в 70-х годах не примут социалистической интеллигенции, которая пойдет в народ для самоотверженного служения ему. Петрашевский даже утверждал на допросе, что фаланстеры вполне возможны в крепостнической и самодержавной России. Мнение характерное для утопической стадии социализма.

Из кружка петрашевцев крайнее, революционное направление представлено было Н. Спешневым, который, по-видимому, послужил Достоевскому поводом к созданию образа Ставрогина в «Бесах». Спешнев был атеистом, коммунистом и даже был близок к марксизму. В кружке петрашевцев принимал участие Достоевский, хотя он был наиболее скептиком в отношении возможности осуществления социальной утопии Фурье. Мирные собрания кружка петрашевцев кончились также печально, как и все печально кончалось в то время в России. Все члены кружка были арестованы и 21 человек были приговорены к смертной казни с заменой каторгой. В их числе был Достоевский, которому пришлось пережить минуты приговоренного к расстрелу.

Дело петрашевцев не могло не укрепить революционных настроений русской интеллигенции. Русский социализм дальше не будет столь идиллическим. Появятся образы Нечаева и Ткачева. Очень интересно отметить, что первые марксисты в мире были русские. Русский марксизм, как движение, возник лишь во вторую половину 80-х годов. Но отдельные русские марксисты были уже в конце 40-х годов в Париже. Так степной помещик Н. И. Сазонов был в конце 40-х годов в Париже первым русским марксистом и, может быть, вообще одним из первых учеников Маркса.⁶ Маркс, который вообще не любил России и русских, с удивлением пишет из Парижа, что у него появились последователи среди русских степных помещиков. У него было некоторое недоверие к этим слишком ранним марксистам. Марксу потом пришлось пережить большие неприятности с Бакуниным и выдержать с ним борьбу за I Интернационал, хотя, по-видимому, Бакунин изначально повлиял на марксовскую кон-

⁵ См. П. Сакулин. Русская литература и социализм. 1922.

⁶ См. ту же книгу Сакулина.

цепцию миссии пролетариата.⁷ Во всяком случае очень характерна для нашей темы русская способность к беззаветному увлечению социальными идеями. К социализму весь XIX век у русских была непреодолимая склонность. И все подготовляло у нас увлечение коммунизмом. Огромный интерес в истории русского самосознания, русской национальной идеи и русской социальной идеи представляет судьба Герцена.

⁷ См. интересную книгу: Cornu. Karl Marx, L'homme et l'œuvre. 1834.

3

Герцен был западником, спорил со славянофилами в салонах 40-х годов. Хотя он тоже прошел через гегелианство, но скоро перешел к Фейербаху. Основным влиянием на него было не влияние немецкое, а влияние французской социалистической литературы. Социалистическое мирозерцание Герцена выработалось под влиянием французских социалистов. Возникший тогда немецкий социализм, т. е. марксизм, был ему чужд. Герцен был из тех русских западников, которые страстно мечтали о Западе и идеализировали его. Герцен эмигрировал, был одним из первых русских эмигрантов. Он попал на Запад в атмосферу революции 48-го года; он сначала увлекся этой революцией и возлагал на нее большие надежды. Но Герцену суждено было пережить жгучие разочарования в последствиях революции 48 г., в Западе и западных людях вообще. Увлечение Герцена Западом было типически русским и типически русским было и разочарование Герцена в Западе. После него многие русские пережили аналогичное разочарование. Герцен был поражен и ранен мещанством Запада. Он увидел этот мещанский, мелкобуржуазный дух и в социалистах. Он один из первых увидел возможность социалистической буржуазности. Образ рыцаря заменился образом мещанина-лавочника. Обличение буржуазности Запада – традиционно-русский мотив. Это выражали в других терминах и славянофилы. Реакционер К. Леонтьев будет так же восставать против мещанства Запада, как и революционер Герцен.

Герцен, в отличие от других представителей левого лагеря, не исповедывал оптимистической теории прогресса, наоборот, он защищает пессимистическую философию истории, он не верит в разумность и благость исторического процесса, идущего к осуществлению верховного блага. Это оригинально и интересно у Герцена. Верховной ценностью он признает человеческую личность, которая раздавлена историческим прогрессом. Он кладет основание своеобразному русскому индивидуалистическому социализму, который в 70-е годы будет представлен Н. Михайловским. Индивидуализм социалистический противопоставлен индивидуализму буржуазному. Герцен не видит сил, которые в Западной Европе могли бы противостоять царству мещанства. Западно-европейский рабочий сам мещанин и от мещанства спасти не может. Эмигрант Герцен, лишенный до самой смерти возможности физически вернуться на родину, духовно возвращается на родину. Как ни ужасен самодержавный режим Николая I, крепостное право, невежество, но именно в России, в русском народе скрыта потенция новой, лучшей, не мещанской, не буржуазной жизни. Герцен видит эти потенции в русском мужике, в сером мужицком тулупе, в крестьянской общине. В русском крестьянском мире скрыта возможность гармонического сочетания принципа личности и принципа общинности, социальности. Герцен был гуманист-скептик, ему были чужды религиозные верования. Вера в русский народ, в правду, заключенную в мужике, есть для него последний якорь спасения. Герцен делается одним из основоположников русского народничества, своеобразного русского явления. В лице Герцена русское западничество сблизилось с некоторыми чертами славянофильства. В западническом лагере произошел раскол на народников-социалистов и либералов. Герцен и народники-социалисты верили в особые пути России, в ее призвание осуществить лучше и раньше Запада социальную правду, верили в возможность для России избежать ужасов капитализма. Западники либералы думали, что Россия должна идти тем же путем, что и Западная Европа. Народники отрицательно относились к политике, они думали, что политика толкнет Россию по банальному западному пути развития, они признавали примат социального над политическим. Это характерно русский мотив. Герцен, Бакунин, даже такие зловещие революционеры, как Нечаев и Ткачев, в каком-то смысле ближе к русской идее, чем западники, просветители и либералы. Воинствующий атеизм русских революционных, социалистических

и анархических направлений был вывернутой наизнанку русской религиозностью, русской апокалиптикой. Очень важно отметить, что либеральные идеи были всегда слабы в России и у нас никогда не было либеральных идеологий, которые получали бы моральный авторитет и вдохновляли. Деятели либеральных реформ 60-х годов имели, конечно, значение, но их либерализм был исключительно практическим и деловым, часто чиновничьим, они не представляли собой никакой идеологии, в которой всегда нуждалась русская интеллигенция.

Глава II. Русский социализм и нигилизм

1

Хотя Белинский был человеком 40-х годов, принадлежал к поколению славянофилов и западников, но он, может быть, первый выразил тип революционной интеллигенции и в конце своей жизни формулировал основные принципы ее мирозерцания, которые потом развивались в 60-е и 70-е годы. Прежде всего Белинский не был русский барин, как все славянофилы и западники, как Герцен и Бакунин, он принадлежал к другому социальному слою, он разночинец. По душевной своей структуре он имел в себе типически интеллигентские черты, он был нетерпимым фанатиком, склонен к сектантству, беззаветно увлечен идеями, постоянно вырабатывал себе мировоззрение не из потребности чистого знания, а для обоснования своих стремлений к лучшему, более справедливому социальному строю. Белинский был человеком исключительных дарований и исключительной восприимчивости к идеям, но уровень его образования был не высокий, он почти не знал иностранных языков и знакомился с идеями, которыми был увлечен, из вторых рук. С Гегелем он знакомился, главным образом, через рассказы Бакунина. Белинский прошел через все стадии идейных увлечений культурного русского слоя того времени. Он по очереди был фихтеанцем, шеллингианцем, гегелианцем, потом перешел к фейербахианству, отрицал влияние французской литературы и французской социалистической мысли. Он был, прежде всего, замечательным литературным критиком, первый оценил Пушкина и Гоголя и начало творчества наших великих романистов. Сам он обладал художественной восприимчивостью и был способен к эстетическим суждениям, но он стал родоначальником того типа публистической, общественной критики, которой суждено было сыграть огромную роль в истории интеллигентского сознания. У Белинского было характерно русское искание целостного мирозерцания, которое дает ответ на все вопросы жизни, соединяет теоретический и практический разум, философски обосновывает социальный идеал. Целостная правда, как потом выразился Н. Михайловский, тоже вышедший из Белинского, есть правда-истина и правда-справедливость. Та же идея целостности, тоталитарности потом будет у Н. Федорова на религиозной почве и в марксизме-ленинизме. Русские критики-публицисты всегда будут проповедовать целостное мирозерцание, всегда будут объединять истину и справедливость, всегда будут учителями жизни. Белинский был первым, наиболее одаренным представителем этого типа. Он уже утверждает социальную роль литературного критика. Русская социальная мысль скрывалась под формой литературной критики, потому что по цензурным условиям она не могла себя иначе выразить.

В идейной эволюции и революции, которую пережил Белинский, наиболее интересен и важен кризис гегелианства.⁸ Русская мысль пережила два кризиса гегелианства, у Хомякова кризис религиозный, у Белинского кризис социальный. Основной вопрос, который интересовал русских людей 40-х годов, увлекавшихся Гегелем, был вопрос об отношении к «действительности». Мысль Гегеля о разумности действительности, которая у самого Гегеля имела панлогистический смысл и означала признание подлинно действительным лишь разумного, в России была пережита очень напряженно и мучительно, но была неверно истолкована. Известно, что Гегеля можно понимать консервативно и революционно: он породил правое и левое течение, он был философом прусского государства, в котором видел

⁸ См. «Социализм Белинского». Статьи и письма. Редакция в комментарии П. Сакулина. 1925 г. В этой книге собраны замечательные письма Белинского к Боткину.

воплощение абсолютного духа, и он же через диалектику внес революционную динамику в мышление, породил Маркса.

Русские гегелианцы 40-х годов сначала поняли Гегеля консервативно и истолковали мысль о «разумности действительности» в том смысле, что нужно примириться с окружающей действительностью, действительностью Николаевской эпохи и увидеть в ней разум. Такой момент консервативного гегелианства пережили Белинский и Бакунин, люди революционного темперамента, которые потом пришли к революционному мирозерцанию. Русские романтики-идеалисты 40-х годов бежали от социальной действительности в мир мысли, фантазии, литературы, в отраженный мир идей. Они страдали от уродства и неправды действительности, но бессильны были ее переделать. Разлад с действительностью делал русских людей бездейственными, выработал тип «лишних людей». Они не могли принять действительности не для примирения с ней, а для борьбы с ней. Но в гегелианстве заключалась возможность обращения к действительности, которое может получить двойной смысл. Тождество бытия и мышления есть не только перенесение бытия в мышление, но и перенесение мышления в бытие. У Белинского в конце 40-х годов в последний его период произошло бурное и страстное обращение к социальной действительности, но не для примирения, а для борьбы. Борьба предполагает обращение к действительности, к реальности. Мечтательное отношение к жизни делает невозможной борьбу. Но у Белинского это принимает форму кризиса гегелианства, с которым вся левая, революционная русская мысль порывает до возникновения русского марксизма, который вновь обратился к Гегелю, но понял его диалектику революционно. В последний период Белинский приходит к революционному социализму и воинствующему атеизму. Это нашло себе выражение в замечательных письмах к Бакунину, которые в старой России не могли быть напечатаны. Бунт против Гегеля есть бунт во имя живой, человеческой личности, а борьба за живую человеческую личность превратилась в борьбу за социалистическое устройство общества. Так формулировалась характерная русская идея индивидуалистического социализма.

Белинский прежде всего с обычной своей страстностью восстает против отвлеченного идеализма, далекого от конкретной жизни, который приносит в жертву мировому духу, общему – индивидуальное, живую человеческую личность. «Судьба субъекта, индивидуума, личности, – пишет Белинский, – важнее судьбы всего мира и здоровья китайского императора (т. е. Гегелевской *Allgemeinheit*)». «Кланяюсь Вашему философскому колпаку, – обращается Белинский к Гегелю, – но со всем подобающим Вашему философскому филистерству уважением, честь имею донести Вам, что если бы мне и удалось влезть на верхнюю ступень лестницы развития, – я и там попросил бы отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции Филиппа II и пр., и пр.: иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головой. Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братьев по крови – костей от костей моих и плоти от плоти моей. Говорят, что дисгармония есть условие гармонии: может быть, это очень выгодно и усладительно для меломанов, но уж, конечно, не для тех, которым суждено выразить свою участью идею дисгармонии».

Это очень важные для последующей русской проблематики слова. Тут поставлена проблема теодицеи, проблема оправдания страдания, которая есть основная русская проблема и источник русского атеизма, проблема цены прогресса, которая будет играть большую роль в социальной мысли 80-х годов. Белинский предвосхищает Достоевского, им была уже пережита проблема Ивана Карамазова о слезинке ребенка, в нем зачалась диалектика Достоевского в «Легенде о Великом Инквизиторе». Иногда кажется, что в мыслях Ивана Карамазова Достоевский имел в виду Белинского, которого он хорошо знал лично и с которым много спорил. Белинский переживает отчаяние и ожесточение после разочарования в идеализме. Он делается революционером, атеистом и социалистом. Очень важно, что в Белинском русский

революционный социализм эмоционально соединяется с атеизмом. Истоком этого атеизма было сострадание к людям, невозможность примириться с идеей Бога в виду непомерного зла и страданий жизни. Это атеизм из морального пафоса, из любви к добру и справедливости. Достоевский будет раскрывать эту своеобразную религиозную психологию и идейную диалектику. Из сострадания к человеку, из бунта против общего (идеи, разума, духа, Бога), давившего живого человека, Белинский делается социалистом. Он есть замечательное свидетельство о морально-психологических истоках русского социализма. Бунт против общего во имя личности переходит у него в борьбу за новое общее, за человечество, за его социальную организацию. Белинский не замечает, что, отвергнув все «общее», раньше давившее людей, он быстро подчиняет личность новому «общему». И ему представляется, что это новое «общее», которому он поклоняется – так как русский человек не может не поклоняться чему-либо, – он утверждает во имя личности. То же самое будет происходить в 60-е годы. «Социальность, социальность – или смерть! – восклицает Белинский. – Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность». «Отрицание – мой бог».

В России в конце 40-х годов был уже тот же диалектический процесс мысли, который в Германии происходил в левом гегелианстве, у Фейербаха и Маркса. Происходит разрыв с отвлеченным идеализмом и переход к конкретной действительности. Белинский проникается, по его собственным словам, маратовской любовью к человечеству. «Страшный я человек, – пишет Белинский, – когда в мою голову забивается какая-нибудь мистическая нелепость». Таков вообще русский человек, в его голову часто «забивается какая-нибудь мистическая нелепость». Очень замечательны эти слова Белинского. Из сострадания к людям Белинский готов проповедовать тиранство и жестокость. Кровь необходима. Для того, чтобы осчастливить большую часть человечества, можно снести голову хотя бы сотням тысяч. Белинский предшественник большевистской морали. Он говорит, что люди так глупы, что их насильно нужно вести к счастью. Белинский признается, что, будь он царем, он был бы тираном во имя справедливости. Он склонен к диктатуре. Он верит, что настанет время, когда не будет богатых, не будет и бедных.

Белинский начинает утверждать, что русский народ – атеистический народ, но он еще сохраняет любовь ко Христу бедных и несчастных. Белинский пишет свое полное негодование письмо к Гоголю по поводу его книги «Переписка с друзьями». Письмо это, конечно, не могло быть напечатано и ходило по рукам. Белинский клеймил Гоголя предателем, проповедником рабства. Он был религиозно неправ, но социально прав. Белинский – центральная фигура в истории русской мысли и самосознания XIX века. И он более других должен быть поставлен в идейную генеалогию русского коммунизма, как один из его предшественников, гораздо более, чем Герцен и др. люди 40-х и даже 60-х годов. Он близок к коммунизму не только по своему моральному сознанию, но и по социальным взглядам. Он не типичен для народничества, он признает положительное значение индустриального развития и даже готов признать значение буржуазии, которой терпеть не может, совсем как впоследствии русские марксисты.

По Белинскому можно изучать внутренние мотивы, породившие мирозерцание русской революционной интеллигенции, которое будет долгое время господствовать и в конце концов породит русский коммунизм, но уже в иной исторической обстановке. Мотивы эти, нужно видеть прежде всего в страстном, негодующем протесте против зла, несчастий и страданий жизни, в сострадании к несчастным, обездоленным, угнетенным. Но русские из жалости, сострадания, из невозможности выносить страдание делались атеистами. Они делаются атеистами, потому что не могут принять Творца, сотворившего злой, несовершенный, полный страдания мир. Они сами хотят создать лучший мир, в котором не будет таких несправедливостей и страданий. В русском атеизме были мотивы родственные Маркиону. Но Маркион думал, что Творец мира есть злой бог, русские же атеисты в иной умственный век

думали, что Бога совсем нет, и, если бы он был, что он был бы злым Богом. Этот мотив был у Белинского. Бакунин производит впечатление богоборца с мотивизацией родственной маркионизму. В Ленине это находит свое завершение. В первоисточках русского атеизма заложено было повышенное, доведенное до экзальтации чувство человечности. Но в последних результатах русского атеизма, в воинствующем безбожии, получившем власть, человечность переродилась в новую бесчеловечность. Это было предвидено Достоевским.

Две интенции сознания можно увидеть у Белинского. Он прежде всего обращает внимание на живую человеческую личность, на переживаемые ею страдания, прежде всего хочет утвердить ее достоинство и право на полноту жизни. Он восстает против «общего», против мирового духа, против идеализма во имя этой живой человеческой личности. Но направленность его внимания очень быстро меняется, и личность поглощается социальным целым, обществом. Общество, новое общество, которое может быть создано лишь путем революции, может избавить человеческую личность от нестерпимых страданий и унижений. Большая часть общества, составляющая «народ», претерпевает эти несправедливые страдания и унижения. Но исключительная направленность сознания на общество и на необходимость его радикального изменения приведет к забвению самой человеческой личности, полноты ее жизни, ее права на духовное содержание жизни. Проблема общества окончательно подменяет проблему человека. Революция низвергает «общее», давившее человеческую личность, но она подавляет его новым «общим», обществом, которое требует себе полного подчинения человека. Это есть роковая диалектика в развитии революционно-социалистической и атеистической мысли. Русский атеизм, который оказался связанным с социализмом, есть религиозный феномен. В основе его лежала любовь к правде. Белинский был уже проникнут сектантским духом, который так характерен для русской революционной интеллигенции.

Белинского нельзя назвать в строгом смысле слова народником. У него не было характерной для народников веры в «народ». Но у него были уже сформулированы два принципа, которые легли в основание народнического социализма, – принцип верховенства человеческой личности и принцип общинной, социалистической организации человеческого общества. Личность и народ – две основных идеи русского народнического социализма. Гораздо более характерен для народнического социализма Герцен. Герцен более известен на Западе, чем Белинский, он был эмигрант, он издавал в Лондоне журнал «Колокол», был связан с западным социалистическим движением, и книги его переведены на иностранные языки. Он был гораздо более индивидуалист и гуманист, чем Белинский. Но, как было уже говорено, он разочаровался в Западе и искал спасения в русском мужике, которого совсем не идеализировал Белинский. В Белинском был уже потенциальный марксист. Поразительнее всего, что в русском крестьянстве, жившем в условиях крепостного права, лишенном элементарного просвещения, Герцен видел бóльшую выраженность принципа личности, бóльшую цельность индивидуальности, чем у европейского человека, ставшего мещанином. В русском народе сочетается принцип личности с принципом общинности. С чужбины Герцен делается основоположником народнического социализма, который наибольшего развития достигает в 70-е годы. Герцен верил, что в России легче и лучше осуществится социализм, чем на Западе, и не будет мещанским. Как и многие народники, он против политической революции, которая может толкнуть Россию на западный, буржуазный путь развития. Быть социалистом в то время значило требовать экономических реформ, презирать либерализм, видеть главное зло в развитии капиталистической индустрии, разрушающей зачатки высшего типа общества в крестьянском укладе жизни. Часто это значило сочувствовать диктатуре, даже монархии. Социалисты-народники готовы были поддерживать монархию в России, если она станет на защиту народа против дворян и нарастающей буржуазии. Герцен в эмиграции на страницах «Колокола» приветствовал Александра II за акт освобождения крестьян. Но Гер-

цен, несмотря на свои революционно-социалистические идеи, несмотря на свое эмигрантское положение, оказался чуждым для поколения 60-х годов. Он человек 40-х годов, русский культурный барин, гуманист и скептик, но не нигилист. Он не типичен для революционной интеллигенции, гораздо менее типичен, чем Белинский. Чернышевский, который развивал идеи народнического социализма, родственные Герцену, с презрением будет говорить о Герцене, что он барин 40-х годов, который все еще продолжает думать, что он спорит в салонах с Хомяковым. В 60-е годы в интеллигенцию вошли новые социальные слои, прежде всего семинаристы; дворяне перестали господствовать и появился более жесткий и более аскетический душевный тип, более реалистический и активный. Эпигоны идеалистов 40-х годов, «лишние люди» представляются людьми отошедшего века. Появляются нигилисты.

2

Нигилизм есть характерно русское явление, в такой форме неизвестное Западной Европе. В узком смысле нигилизмом называется эмансипационное умственное движение 60-х годов, и его главным идеологом признается Писарев. Тип русского нигилиста был изображен Тургеневым в образе Базарова. Но в действительности нигилизм есть явление гораздо более широкие, чем писаревщина, его можно найти в подпочве русских социальных движений, хотя нигилизм сам по себе не был социальным движением. Нигилистические основы есть у Ленина, хотя он и живет в другую эпоху. Мы все нигилисты, говорит Достоевский. Русский нигилизм отрицал Бога, дух, душу, нормы и высшие ценности. И тем не менее нигилизм нужно признать религиозным феноменом. Возник он на духовной почве православия, он мог возникнуть лишь в душе, получившей православную формацию. Это есть вывернутая наизнанку православная аскеза, безблагодатная аскеза. В основе русского нигилизма, взятого в чистоте и глубине, лежит православное мироотрицание, ощущение мира лежащим во зле, признание греховности всякого богатства и роскоши жизни, всякого творческого избытка в искусстве, в мысли. Подобный православной аскетике нигилизм был индивидуалистическим движением, но также был направлен против творческой полноты и богатства жизни человеческой индивидуальности. Нигилизм считает греховной роскошью не только искусство, метафизику, духовные ценности, но и религию. Все силы должны быть отданы на эмансипацию земного человека, эмансипацию трудового народа от непомерных страданий, на создание условий счастливой жизни, на уничтожение суеверий и предрассудков, условных норм и возвышенных идей, порабащивающих человека и мешающих его счастью. Это – единое на потребу, все остальное от лукавого.

В умственной сфере нужно аскетически довольствоваться естественными науками, которые разрушают старые верования, низвергают предрассудки, и политической экономией, которая учит организации более справедливого социального строя. Нигилизм есть негатив русской апокалиптичности. Он есть восстание против неправды истории, против лжи цивилизации, требование, чтобы история кончилась и началась совершенно новая, вне-историческая или сверхисторическая жизнь. Нигилизм есть требование оголения, совлечения с себя всех культурных покровов, превращение в ничто всех исторических традиций, эмансипация натурального человека, на которого не будет более налагаться никаких оков. Умственный аскетизм нигилизма нашел себе выражение в материализме, более утонченная философия была объявлена грехом. Русские нигилисты 60-х годов – я имею в виду не только Писарева, но и Чернышевского, Добролюбова и др. – были русскими просветителями, они объявили борьбу всем историческим традициям, они противопоставляли «разум», существование которого в качестве материалистов признавать не могли, всем верованиям и предрассудкам прошлого. Но русское просветительство, по максималистическому характеру русского народа, всегда оборачивалось нигилизмом. Вольтер и Дидро не были нигилистами. В России материализм принял совсем иной характер, чем на Западе. Материализм превратился в своеобразную догматику и теологию. Это поражает в материализме коммунистов. Но уже в 60-х гг. материализм получил эту теологическую окраску, он стал морально обязательным догматом и за ним была скрыта своеобразная нигилистическая аскеза. Был создан материалистический катехизис, который был усвоен фанатически широкими слоями левой русской интеллигенции. Не быть материалистом было признано нравственно подозрительным. Если вы не материалист, то, значит, вы за порабощение человека и народа. Отношение русских нигилистов к науке было идолопоклонническим. Наука – под которой понимались, главным образом, естественные науки, в то время окрашенные в материалистический цвет, – стала предметом веры, она была превращена в идол. В России в то время были и замеча-

тельные ученые, которые представляли особенное явление. Но нигилисты-просветители не были людьми науки. Это были верующие люди и догматически верующие. Менее всего им свойствен был скептицизм. Методическое сомнение Декарта мало подходит к нигилистам, да и вообще к русской природе. Типический русский человек не может долго сомневаться, он склонен довольно быстро образовывать себе догмат и целостно, тотально отдавать себя этому догмату. Русский скептик есть западный в России тип. В русском материализме не было ничего скептического, он был верующим.

В нигилизме в деформированном виде отразилась еще одна черта русского православного религиозного типа – нерешенность на почве православия проблемы культуры. Аскетическое православие сомневалось в оправданности культуры, склонно было видеть греховность в культурном творчестве. Это сказалось в мучительных сомнениях великих русских писателей относительно оправданности их литературного творчества. Религиозное, моральное и социальное сомнение в оправданности культуры есть характерно русский мотив. У нас постоянно сомневались в оправданности философского и художественного творчества. Отсюда борьба против метафизики и эстетики. Вопрос о цене, которой покупается культура, будет господствовать в социальной мысли 70-х годов. Русский нигилизм был уходом из мира, лежащего во зле, разрывом с семьей и со всяким установившимся бытом. Русские легче шли на этот разрыв, чем западные люди. Греховными почитались государство, право, традиционная мораль, ибо они оправдывали порабощение человека и народа. Замечательнее всего, что русские люди, получившие нигилистическую формацию, легко шли на жертвы, шли на каторгу и на виселицу. Они были устремлены к будущему, но для себя лично они не имели никаких надежд, ни в этой земной жизни, ни в жизни вечной, которую они отрицали. Они не понимали тайны Креста, но в высшей степени были способны на жертвы и отречение. Они этим выгодно отличались от христиан своего времени, которые проявляли очень мало жертвостпособности и были соблазном, отталкивающим от христианства. Чернышевский, который был настоящим подвижником в жизни, говорил, что он проповедует свободу, но для себя никакими свободами никогда не воспользуется, чтобы не подумали, что он отстаивает свободы из эгоистических целей.⁹ Удивительная жертвостпособность людей нигилистического мирозерцания свидетельствует о том, что нигилизм был своеобразным религиозным феноменом.

Не случайно в русском нигилизме большую роль играли семинаристы, дети священников, прошедшие православную школу. Добролюбов и Чернышевский были сыновья протоиереев и учились в семинарии. Ряды разночинной «левой» интеллигенции у нас пополнялись в сильной степени выходцами из духовного сословия. Смысл этого факта двоякий. Семинаристы через православную школу получали формацию души, в которой большую роль играет мотив аскетического мироотрицания. Вместе с тем в семинарской молодежи второй половины 50-х годов и начала 60-х годов назревал бурный протест против упадочного православия XIX века, против безобразия духовного быта, против обскурантской атмосферы духовной школы. Семинаристы начали проникаться освободительными идеями просвещения, но проникаться по-русски, т. е. экстремистски, нигилистически. Немалую роль тут играло и *ressentiment* семинаристов к дворянской культуре. Вместе с тем в молодежи пробудилась жажда социальной правды, которая была в ней порождением христианства, получившего новую форму. Семинаристы и разночинцы принесли с собой новую душевную структуру, более суровую, моралистическую, требовательную и исключительную, выработанную более тяжелой и мучительной школой жизни, чем та школа жизни, в которой выросли люди дворянской культуры. Это новое молодое поколение изменило тип русской культуры. Тип культуры шестидесятников, Добролюбова, Чернышевского, нигилистов, воз-

⁹ См. очень интересную по материалам книгу о Чернышевском «Любовь людей шестидесятых годов», Academia. 1829 г.

раставшей революционной интеллигенции был пониженный по сравнению с типом дворянской культуры 30-х и 40-х годов, культуры Чаадаева, И. Киреевского, Хомякова, Грановского, Герцена. Культура всегда образуется и достигает более совершенных форм путем аристократического отбора. Демократизуясь, распространяясь в ширь на новые слои, она понижается в своем уровне и лишь позже, путем переработки человеческого материала, культура может опять повыситься. В малых размерах в слое интеллигенции в 60-е годы в России произошел тот же процесс, который в широких, всенародных масштабах произошел в русской революции. Изменение типа культуры выразилось прежде всего в изменении направления сознания и тем культуры. Это было предreshено уже Белинским в последний период его развития. «Идеалисты» 40-х годов интересовались, главным образом, гуманитарными науками, философией, искусством, литературой. Нигилисты 60-х годов интересовались, главным образом, естественными науками и политической экономией, что определило уже интересы коммунистического поколения русской революции.

Для понимания генезиса русского нигилизма в широком смысле слова и русской революционности 60-х годов очень интересен образ Добролюбова. На нем можно видеть, в какой душе родились нигилистические и революционные идеи. Это была структура души, из которой выходят святые. Это одинаково можно сказать и про Добролюбова, и про Чернышевского. Добролюбов оставил после себя «Дневник», в котором он описывает свое детство и юность. Добролюбов получил чисто православное религиозное воспитание. В детстве и еще в ранней молодости он был очень религиозен. Склад его был аскетический. У него было сильное чувство греха и склонность к постоянному покаянию. Самые ничтожные грехи его очень мучили. Он не мог себе простить, если он съедал слишком много варенья, слишком долго спал и т. п. Он был очень набожен. Он нежно любил своих родителей, особенно свою мать, и он не мог примириться с их смертью. Добролюбов был человек чистый, суровый, серьезный, лишенный всякой игры, которая была у людей дворянской культуры и составляла их прелесть. И вот эта набожная, аскетическая до суровости серьезная душа теряет веру. Он теряет веру, пораженный злом, несправедливостью, страданиями жизни. Он не мог примириться с тем, что у такого злого, исполненного несправедливостей и страданий мира есть всеблагий и всемогущий Творец. Тут действует своеобразный маркионистический мотив. Добролюбов потрясен тем, что умирает любимая мать. Он также не может примириться с низменностью быта русского духовенства, с его малой духовностью, с обскурантизмом, с отсутствием всякой реализации христианства в жизни. Добролюбов чувствует себя окруженным темным «царством». Его главная статья, написанная по поводу Островского, называется «Луч света в темном царстве». Человек сам должен внести свет в темное царство. Нужно просвещение, нужно революционное изменение всего строя жизни. Добролюбов был критиком, он писал о литературе. Он не доходил до таких крайностей, как Писарев, в отрицании эстетики, но и для него эстетика была роскошью, он аскетически отрицал избыточную роскошь эстетики. Добролюбов хочет земного счастья для человека и после потери веры другой цели не знает. Но сам он счастья не знает, жизнь его была безрадостная, и он умирает почти юношей от чахотки. Русский нигилизм только и можно представить себе как движение юности, нигилизм в старости носит отталкивающий характер.

Н. Чернышевский был властителем дум не только радикальной интеллигенции 60-х годов, но и последующих поколений. Очень много способствовал его популярности тот ореол, которым окружала его имя ссылка на каторгу. Чернышевский был обвинен в составлении прокламаций к крестьянам, при этом обвинение было основано на фальсификации почерка и ложных показаниях. Он был приговорен к семи годам каторги и после этого провел еще двенадцать лет в Восточной Сибири в исключительно тяжелых условиях. Сибирь и каторгу он вынес как настоящий подвижник. Чернышевский был очень кроткий чело-

век, у него была христианская душа и в его характере были черты святости.¹⁰ Истязание Чернышевского было одним из самых постыдных деяний русского правительства старого режима. Чернышевский, как и Добролюбов, был сын протоиерея. Первоначальное образование его было богословским, он воспитывался в семинарии. Он был очень ученым человеком, настоящим энциклопедистом, знал и богословие, и философию вплоть до философии Гегеля, знал историю и естественные науки, но прежде всего был экономистом. Как экономиста его очень ценил Маркс. У него были данные стать специалистом, ученым, и если он не стал им, то исключительно потому, что был увлечен общественной борьбой. Но он все же был книжным человеком и не производил впечатления человека страстного. Он писал нравоучительные романы, но особенным литературным талантом не обладал. Несмотря на обширную ученость, Чернышевский не был человеком высокой культуры. Тип культуры был пониженный по сравнению с культурой людей 40-х годов. В нем было безвкусице, принесенное семинаристами и разночинцами. Чернышевский был материалистом, последователем Фейербаха, и вместе с тем идеалистом земли, как и Добролюбов, как и все лучшие представители революционной и нигилистической интеллигенции. В нем также сильна была аскетическая черта. Крайний материализм, философски наивный и жалкий, он утверждал из аскетизма. Утилитарную мораль разумного эгоизма он утверждал из морализма, из любви к добру. Моральный мотив всегда был очень силен у нигилистов, теоретически отрицавших всякую мораль. Идеализм, спиритуалистическая метафизика, религия связывались с жизненным материализмом и социальной несправедливостью. Для этого христианство давало достаточно оснований. Идеалисты и спиритуалисты слишком часто прикрывали возвышенными идеями самые низменные интересы. И потому во имя жизненного идеализма, во имя осуществления социальной правды начали утверждать грубый материализм и утилитаризм, отрицать все возвышенные идеи, всякую возвышенную риторику.

Чернышевский пишет утопический роман «Что делать?», который стал как бы катехизисом русского нигилизма, настольной книгой русской революционной интеллигенции. В художественном отношении роман этот довольно слаб и безвкусен, но он очень интересен для истории русской интеллигенции. Моральные нападения из правого лагеря на этот роман были чудовищно несправедливы и клеветнически-лживы. Прав был замечательный русский богослов Бухарев, который увидел в нем христианский характер. «Что делать?» – аскетическая книга, что-то в роде наставления к благочестивой жизни русских нигилистов. Герой романа Рахметов спит на гвоздях, чтобы закалить свой характер и приучить себя выносить страдания и мучения. Проповедь свободы любви означала не проповедь распущенности, которая сильна была именно у консервативных господствующих классов, у гвардейских офицеров и т. п., а не у нигилистов, людей идеи. Эта проповедь означала требование искренности в чувствах, освобождение от всяких условностей, лжи и угнетения. Мораль Чернышевского стояла, конечно, гораздо выше рабской морали «Домостроя». «Сон Веры Павловны» в романе представляет собой социалистическую утопию, в которой устраиваются кооперативные мастерские. Социализм Чернышевского носил еще частью народнический, частью утопический характер, но уже является более других одним из предшественников коммунизма в 60-е годы. Это признает Плеханов, основатель русского марксизма, в своей книге о Чернышевском.¹¹ Не даром Маркс для чтения Чернышевского изучал русский язык.

¹⁰ См. цитированную книгу «Любовь людей шестидесятых годов».

¹¹ См. Плеханов: «Н.Г.Чернышевский».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.